

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.35

DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-71-83

Многогранность смыслов жизни русской интеллигенции: Следование социальным идеалам или их симуляции?

Наиля Р. Маликова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, nrmalikova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена социологическому пониманию «смысла жизни» русской интеллигенции, симуляции представлений о роли интеллигенции в публичном социальном пространстве, замещению «симулякрами» научной и образовательной деятельности среди представителей современных социальных и гуманитарных наук. Представлены различные точки зрения о русской интеллигенции, призванной выражать смыслы жизни и социальные интересы всех слоев и групп российского общества, в отличие от западных интеллектуалов, стремящихся стать частью истеблишмента. Критически рассматривается актуальность общественной потребности в раскрытии творческого потенциала гуманитарной интеллигенции, парадоксальные формы искажений смысла жизни интеллигенции, утрата представлений о ней как социально-статусной общности, несущей миссию образования, культуры, просвещения, социального служения народу. Показаны попытки идеологической мобилизации интеллигенции, имитации ее участия в демократизации общественной жизни, замещения традиционного образа университетского профессора симулякром персоны, предоставляющей «образовательные услуги», в отчуждении от творческого воспроизводства гуманитарной интеллигенции.

Ключевые слова: социальная роль, гуманитарная интеллигенция, смысл жизни, симулякр, симуляция творчества, нравственный потенциал, воспроизводство “Homo Humanisticus”, диспозиции интеллигенции и идеологии, интеллигента и идеолога

Для цитирования: Маликова Н.Р. Многогранность смыслов жизни русской интеллигенции: Следование социальным идеалам или их симуляции? // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 2. С. 71–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-71-83

© Маликова Н.Р., 2019

The many sidedness of the meanings of life of the Russian intelligentsia. Following social ideals or their simulations?

Nailya R. Malikova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
nrmalikova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the sociological understanding the “meaning of life” by the Russian intelligentsia, the simulation of ideas about the role of the intelligentsia in the public social space, the substitution with the “simulacra” of scientific and educational activities among representatives of modern social sciences and humanities. It presents different points of view on the Russian intelligentsia, designed to express the meanings of life and the social interests of all strata and groups of Russian society, in contrast to western intellectuals seeking to become part of the establishment. The author critically considers the urgency of the public need to uncover the creative potential of the humanitarian intelligentsia and the paradoxical forms of distortion of the meaning of the life of the intelligentsia, the loss of ideas about it as a social and status community, carrying the mission of education, culture, education, social serving to the people. She shows attempts of the intelligentsia ideological mobilization, the imitation of its participation in the democratization of public life, the replacement of the traditional image of the university professor by the person providing “educational services”, in alienating the creative reproduction of the humanitarian intelligentsia.

Keywords: social role, humanitarian intelligentsia, meaning of life, simulacrum, simulation of work, moral potential, reproduction of “Homo Humanisticus”, dispositions of an intellectual and ideologist

For citation: Malikova NR. The manysidedness of the meanings of life of the Russian intelligentsia. Following social ideals or their simulations? *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series.* 2019; 2:71-83. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-2-71-83

Введение

Прошел год после участия в работе XIX Международной теоретико-методологической конференции «Смыслы жизни российской интеллигенции» социологического факультета РГГУ (2018), когда редакция научного журнала «Вестник РГГУ» предоставила возможность вновь поделиться мыслями о многогранности смыслов жизни русской/российской интеллигенции. Как известно, ее

традиционно принято определять посредством выделения особого социального статуса образованных людей, обладающих творческим культурным потенциалом, социальными идеалами и высокими нравственными качествами. Широта и неуловимость проблемы вызывает интеллектуальное затруднение, так как рассуждения о смыслах жизни интеллигенции многократно тиражировались, зачастую сквозь призму ее определения в контексте признания ее особого социального статуса, выделения культурно-творческого начала, наличия идеологических оппозиций. Однако слегка ободряло знакомство с широким гуманитарным контекстом определения понятия того, что следует понимать под «смыслом жизни»: «совокупность целей-принципов, образующих ядро установок и олицетворяющих стрежень сознания и поведения людей и составляющих основополагающее, внутреннее содержание их жизни. В известной мере – это основная, конечная цель, выступающая как обобщенные, стратегические установки всей жизни, основных видов и форм деятельности» [1 с. 9].

Попытаемся взять это определение в качестве методологического ключа к познанию многогранности смысла жизни современной российской интеллигенции. Что возможно лишь отчасти.

Грани бытия и социальный смысл жизни русской интеллигенции: прошлое как предвестник «застоя» в настоящем

Давайте задумаемся, а можем ли мы сегодня согласиться с Н.А. Бердяевым в том, что «интеллигенция была в российском обществе *идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой*, образовавшейся из разных социальных классов»? Может быть, она осталась такой же, идеологически мобилизованной и призванной к социальному служению? Будем ли мы продолжать попытки предельно расширительного толкования смыслов ее существования как влиятельной *социально-статусной группы* образованных людей, осуществляя их сепарацию по признакам обладания культурным, творческим потенциалом и смутным индикаторам признания неких высоких нравственных качеств?

Вспоминаются в этой связи размышления И.А. Ильина о смысле жизни Homo Humanisticus, священнослужителя, художника и ученого, тех, кого чаще других причисляют к гуманитарной интеллигенции:

Эти люди, по самому положению своему, по роду того дела, которому они открыто и сознательно посвятили себя, стоят непосредственно лицом к лицу с тем высшим, верховным жизненным содержанием,

через которое жизнь человеческая вообще имеет значение и ценность. <...> Процесс обыденной жизни вырабатывает «скрытые» и «терпимые» формы искажений, и только в минуту острого нравственного отрезвления перед человеком встает въяве их сущность и их значение. <...> Те люди, которые, по самому основному делу своей жизни, стоят ближе всего к живым истокам духовной значительности; которые взяли на себя непосредственное служение раскрытию и осуществлению самого добра, самой красоты, самой истины; которые добровольно приняли на себя величайшее бремя и с ним величайшую ответственность, – эти люди, если они попирают требование *творческой совести*, являют поистине величайшее падение, ибо и высота их задания, и размер их ответственности суть величайшие [2 с. 15–16].

Но бесконечно трудно находить в себе интенции к самоидентификации с символической высотой социальной роли интеллигенции. В век цифровой коммуникации мы наблюдаем сегодня симуляцию парадоксальных форм искажений смысла жизни гуманитарной интеллигенции. Это происходит повсеместно в эпоху глобализации, господства безлично опосредованного (мобильной, компьютеризированной связью, гаджетами, смартфонами) «общения», перенасыщенного краткими электронными письмами, лайками, «смс-сообщениями».

Жан Бодрийяр заметил раньше это наступление тотальной симуляции общественной жизни, утраты связи с реальностью, замещение ее *симулякрами*, семиотическими знаками, не имеющими означаемого объекта в реальности, не скрывающими того, что оригинала нет. Эти копии создаются транснациональными корпорациями, электронными СМИ, политиками и учеными [3].

Как набраться смелости задуматься в круговороте симулякров нашей бытийности, подобной «игре в бисер» Г. Гессе, в чем состоит общественно-гуманитарный смысл интеллектуальной жизни? Можно ли попытаться осуществлять поиск смысла жизни интеллигенции сквозь призму саморефлексии?

Вспоминается, как на заре юности повсеместно, «от Москвы до самых, до окраин», прозвучали предвестники перехода от недолгой «оттепели», к десятилетиям «застоя». Тогда стало очевидным, что в социальном пространстве не просматриваются возможности свободного выбора, осмысления, самоопределения, наполнения многогранностью духовно-культурных смыслов в реальной жизни. Восторженный, порой наивный поиск смысла жизни, социальных идеалов молодой творческой гуманитарной интеллигенции – «шестидесятников», и, следующего за ними поколения «птенцов из их гнезда», – как казалось, остался навсегда в прошлом. Отдушиной были поэзия, бардовские песни, первые навыки понимания эзопова языка литера-

турного, театрального творчества. В ту пору декларировалось строительство самого справедливого гуманного общества («Все во благо Человека, все во имя Человека!»). Но, тогда же «танки прошлись не только по улицам Праги», но и по смыслам жизни тех, кто надеялся на построение «социализма с человеческим лицом». Интеллигенция, которую почитают носителями общественной совести, монолитной не была никогда. На Красную площадь в августе 1968 г. вышло восемь протестующих. Юлий Ким в стихотворении «Подражание В. Высоцкому» написал об этом так: «На тыщу академиков и членкорреспондентов, / на весь на образованный культурный легион, / нашлась лишь эта горсточка больных интеллигентов, / вслух высказать, что думает здоровый миллион!» Подспудно ощущали мы боль восприятия отрывочной информации из различных неофициальных источников, периодически заглушаемых «радиоголосов», от чтения с друзьями самиздатовского экземпляра стихотворения Е. Евтушенко: «Танки идут по Праге / в затканной крови рассвета / Танки идут по правде, / которая не газета». Где же было искать представителю первого «непоротого поколения» советской молодежи так рано утраченные социальные и гуманитарные идеалы?

Поиск смысла жизни в профессии социолога

Кажется, именно тогда возникла субъективная иллюзия найти смысл жизни в выборе профессии социолога, участвовать в научном поиске, раскрытии сути реальных общественных проблем, в предоставлении объективной информации о них. Ведь не случайно полагают, что социологическое сознание возникает тогда, когда общепринятые трактовки общества становятся шаткими. Казалось, вот она возможность постараться самой определять столь ценную самоидентификацию, потому что именно социология способна помочь гуманизировать размытые контуры видения социальной реальности. Впоследствии не раз рассеивались представления о беспристрастности социологического понимания научного поиска, возможностях реализации нравственных идеалов, обретении смысла жизни в служении избранной профессии.

Сегодня, пожалуй, не столько в публичном социальном пространстве, сколько в некоторых текстах мы подчас обнаруживаем эту рассудительную интонацию, неспешность попыток раскрытия послания о смысле жизни современного интеллектуала/интеллигента, сторонящегося актуальных социальных ролей и самоидентификации с Homo Post-Soveticus, Homo Economicus, Homo Sociologicus, но стремящегося остаться Homo Humanisticus. Гуманитарии во все времена ощущали свою сопричастность к духовно-культурным цен-

ностям жизни и периферийности, дискретности самоопределения в пространстве смыслов политической и экономической жизни.

Самым значимым, солидарно воспринимаемым стало прочтение заново представленного социологического дискурса об интеллигенции Ю.А. Левады. Он дал довольно длинное определение интеллигенции, которое потеряет смысл, если его сократить на какую-то составную часть, заданную специфической структурой дистанцированных отношений в треугольнике «народ», «власть» и внешняя, привносимая извне «культура»:

В понятии интеллигенции, как оно сформировалось в России, содержится нечто иное и большее, чем «слой» или «социальная группа»; это в то же время еще и социальная функция, роль, притом представленная как миссия, окруженная ореолом долга и жертвенности. Это не просто группа образованных людей, но некая общность, выдающая смысл своего существования в том, чтобы нести плоды образованности (культуры, просвещения, политического сознания и пр.) в народ, и уподобляющая эту задачу священной (по меньшей мере, культурно-исторической) миссии... [4 с. 73–74].

Юрий Александрович видел отличие русской интеллигенции от западных интеллектуалов, являющихся частью истеблишмента, в том, что она давала некий принципиально новый язык, выразивший все крайности идеологических позиций, смыслы и интересы всех слоев и групп общества. Однако реальное историческое существование русской интеллигенции как «критически мыслящей», полагал он, было завершено в 20-х годах XX в., когда стало очевидно, что «мавр сделал свое дело». Возможности свободного нравственного выбора у интеллигенции были ограничены. Но что поразительно, в фантомном виде подспудно сохранялся дух интеллигенции и интеллигентности. Воспроизводилось всплесками это иррациональное сочетание сопротивления прессингу бюрократии, участия в сохранении высоты культуры. В период перестройки эти фантомы надежды на развитие интеллектуальной свободы, породили феномен невиданно активного участия социологов в методологических семинарах с иллюзией социальной востребованности просветительской миссии гуманитарных социальных наук. Они стимулировали тягу к социально-гуманитарным наукам, отчасти навевали извечный «интеллигентский сон золотой» о том, что результаты исследований должны и могут внести полезные коррективы в социальную практику, улучшая жизнь.

Для молодого социолога стремление участвовать в изучении и преобразовании рутинной общественной жизни, в решении назревших общественных проблем, особенно в сфере межнациональных/межэтнических отношений, было чрезвычайно заманчиво. Оттого

неожиданной и болезненно отрезвляющей была реальность, когда внешне «интеллигентное лицо» начальства искажалось в крике, требуя позитивных результатов опросов общественного мнения. Увы, полезные коррективы в практику не вносились, что и обусловило «застой», стагнацию социального развития, разлом огромной страны.

Роль социологии и современные симулякры социально-гуманитарного познания

Социологические опросы общественного мнения в постсоветских условиях перехода к рынку, вначале поддерживаемые западными грантами, фондами МакАртуров, Форда, Сороса, казались вновь востребованными. Однако тематику определяли заказчики, требующие измерения рейтингов политиков, предпочтений электората, потребительского спроса. Смысл жизни в обретении ремесла «полстера», или, как ранее, «роли социолога – проводника партийной идеологии», не представлялся ни общественно значимым, ни увлекательным делом.

Отчего-то принято считать, что наукоемкие SMART-технологии «умной экономики», «экономики знания» определяют востребованность инновационного интеллектуального труда и в социальных науках. Однако наряду с этим мы наблюдаем, что вновь возрождаются попытки с позиции псевдотеоретической идеологии поставить социологию эпохи глобализации в рамки «научного управления» обществом, используя механизм трансляции симулякров социальной активности, социального доверия поддержки институтов власти, формирования «должных», идеологически выверенных стереотипов мышления.

В свое время, вернувшись из эмиграции, А.А. Зиновьев крайне негативно отзывался о главном препятствии на пути научного познания. Он видел его в гигантской армии людей, формально занятых в науке, но относящихся к ней не как к поиску истины, смыслу жизни, а как к средству добывания жизненных благ и жизненного успеха. Огромное число ученых, писателей, врачей, юристов, профессоров и других, которые заняли такое положение в обществе, что их скорее следовало отнести к категории чиновников, чем к интеллигенции в старом смысле. Слово «образованщина» отразило тот факт, что образование перестало быть отличительным признаком интеллигенции. Но социальный статус категории людей, интуитивно считаемой интеллигенцией, остался неопределенным. В советские годы, под контролем идеологии, они исполняли социальную функцию обработки сознания людей и снабжения их «духовной пищей». В совокупности их можно назвать словом «идеологенция» [5 с. 54].

Наиболее близкие нам сферы научной жизни и образования издавна считаются взаимосвязанными вследствие того, что наука, дескать, непременно способствует приращению и распространению знания на благо всего общества. Утверждения социологических теорий ранее требовали экспериментальной верификации, проверки валидности гипотез исследования. На смену этому пришла симуляция логически противоречивого конструирования спекулятивных альтернативных идей. Академизм фундаментального научного познания замещается, по определению профессора Санкт-Петербургского университета Д.В. Иванова, симулякрами компетентности там, где институциональные нормы предполагают создание реальных вещей и совершение реальных действий. Но они обеспечивают финансовую поддержку фондов, консультирования, проведения конференций, международных обменов, когда критерием оценки научной работы является не истинность результатов, а некие предельно формализованные процедуры количественных параметров цитирования, публикаций лишь в определенных журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных. Наступила пора не поиска смысла жизни, глубокого анализа социально-значимых проблем, а время монетизации «страстей и страданий» академической и вузовской социально-гуманитарной интеллигенции по публикациям в «Scopus».

В то же время высокая «плотность» научного сообщества не оставляет места и времени для скрупулезного накопления и представления результатов. Этот дефицит места и времени приводит к тому, что единственно научной, рациональной формой дискуссии становится нелогичная, неструктурированная, но эффективная презентация образа идеи или теории. Именно этот образ (симулякр. – *Н. М.*) играет ныне роль “качественного” критерия научной работы» [6 с. 298–299, 7].

«Идеологенция» симулирует следование базовым нормам научного познания, симулякрами становятся фиксация научного факта, научного открытия, социальные роли ученого, педагога, студента. В Интернете легко публикуются и заимствуются квазинаучные тексты. Выступления «экспертов-идеологентов» на телевизионных ток-шоу хаотичны, конфликтны, брутальны, крикливы, на них, ведущие походя объявляют не науками то историю, то философию, то социологию.

Владимир Познер в своем интервью говорил о том, что интеллигенции, в том смысле, в каком ее понимали, как своеобразную социальную группу культурных людей России, которая все сокращалась, исчезала, так как почва для роста интеллигенции раньше была иной, и что, возможно, остались люди, относящиеся к ней, отличающиеся определенными нравственными качествами.

Неслучайно тихая интеллигентная интонация транслируется не в «золотое» эфирное время – оно захвачено творцами симулякров. Вспоминая нескольких своих университетских профессоров, которых давно нет в этой жизни, соглашаюсь с выводом, что интеллигенция уже не существует как многочисленная социальная группа, «властительница дум» и социальных настроений, о чем порой стоит сожалеть.

Так ли необходимы и интересны обществу усилия гуманитариев, вновь и вновь пытающихся обрести смысл жизни? От идеалов «хождения в народ», «просвещения народа», «патриотического служения Отечеству», столь характерных для интеллигенции XIX в., мало что сохранилось. В 70-е годы прошлого века немногочисленные представители гуманитарного интеллектуального знания искренне пытались найти смысл жизни в ценности творческого отношения к своей профессиональной деятельности, в возвышении творческого характера своего труда, стремлении созидать инновации. На рубеже 80–90-х годов, во время перестройки, был отмечен едва ли не последний всплеск идеалистических намерений интеллигенции продолжить социальный поиск высокого нравственного смысла жизни в обретении общечеловеческих ценностей гуманизма.

Интересно также суждение польского социального психолога, о том, что сущностью поведения, направленного на удовлетворение потребности смысла жизни, является стремление к пониманию и одобрению смысла наших действий. С умножением симулякров, с утратой смысла жизни распространяется и среди образованных людей отстраненность от злободневных проблем общественной жизни.

Практика показывает, что многие люди по разным причинам не установили для себя осмысленного пути с помощью реальной и действенной «философии счастья» и «философии жизни» или... осудив себя на постоянную эмоциональную зависимость от противоречивых и непоследовательных требований, которые ставят перед современным человеком многочисленные виды общественной деятельности [8].

Ключевой вопрос о реализации потребности смысла жизни почти всегда переносился представителями гуманитарной российской интеллигенции из настоящего в прошлое либо в светлое будущее. В условиях повторяющихся латентных и явных общественных кризисов и трансформаций обращение к общественному сознанию генератора смыслов жизни Homo Humanisticus о «потенциальном» обществе не определено. Сама потребность эта в реальном бытии современной гуманитарной интеллигенции не актуализирована. Жизненная позиция, определяемая погруженностью в симулякры

повседневности, стремлением честно делать свое дело, идя порой на компромиссы со своими социальными и нравственными идеалами, означает отсутствие состояния умов некой сословно-социальной группы «просвещенных» интеллигентов-гуманистов/гуманитариев. Это и определяет индивидуальный выбор дистанцирования интеллектуала от проблемы смысла жизни в ограниченном пространстве реального бытия.

Традиционный образ русского интеллигента в новой социальной реальности замещен новым симулякром. Сегодня он тот, кто предоставляет услуги населению по «эффективному» контракту, для достижения которого должен работать втрое дольше и больше, чем его европейские коллеги, изматываясь до предела физических и интеллектуальных сил. Так обстоят дела и среди близкой нам генерации университетских преподавателей гуманитарных дисциплин.

Показательны результаты недавно завершенного экспертно-аналитического исследования российского рынка труда и человеческого капитала «Россия 2025: от кадров к талантам». Оно было проведено по инициативе и при поддержке «The Boston Consulting Group», Сбербанк, благотворительного фонда Сбербанк «Вклад в будущее», WorldSkills Russia и Global Education Futures (международная платформа сотрудничества, объединяющая лидеров глобального образования). Отмечено, что к 2025 г. в России может возникнуть огромный дефицит высококвалифицированных кадров, (более 10 млн человек), обладающих реальными знаниями и компетенциями, умением их правильно применять, заниматься аналитической работой, способных решать творческие задачи. Сегодня в России только 17% работающих заняты интеллектуальным трудом, страна находится на переходном этапе между экономической ресурсов и экономикой знаний. В Японии, США, Германии, Сингапуре высокий уровень дохода, развитая цифровая экономика, высокий индекс человеческого развития, доля человеческих ресурсов категории «Знание» превышает 25%. Причина не в массовой «утечке мозгов», как в 90-е, а в разрыве между навыками, которые получают в вузах, и реальными потребностями экономики. В ситуации, когда 98% трудоспособного населения страны отдает предпочтение стабильности, а не возможностям роста, нет достаточно высокого спроса на знания. Это происходит вследствие того, что оплата труда не зависит в должной мере от уровня квалификации (разрыв между заработком водителя 2-й категории и врача – всего 17%; для сравнения: в Бразилии – 174%, в США – 261%), 98% отдадут приоритет безопасности и стабильности, а не ценностям роста. Доминирующая ролевая модель российской молодежи и их родителей сегодня – успешный чиновник, а не высококвали-

фицированный профессионал. Это снижает мотивацию к выбору высококвалифицированных профессий и приведет к тому, что уже к 2025 г. Россия значительно ухудшит свои конкурентные позиции в глобальной экономике знаний.

В России пока не создана среда для развития и самореализации, кстати, и тех, кого принято считать массовой гуманитарной интеллигенцией, в провинции живут в условиях трудовой бедности, когда зарплаты во многих российских регионах хватает только на выживание, а пенсии зачастую ниже прожиточного минимума. Во вступительном слове к отчету «BCG» отмечено:

Если Бог хочет наказать кого-то, он лишает его разума. Страна, которая отдает свои мозги другим странам, скорее всего, останется без будущего. Наш шанс на экономическое развитие – это найти способы соединения высококачественного человеческого капитала, который страна продолжала рождать, несмотря на разнообразные трудности, с российской экономикой, которая до сих пор была весьма примитивным отпечатком минеральных богатств страны. Для цифровой экономики требуется не много капитала денежного, а много качественного человеческого капитала. В производстве человеческого капитала принципиальным становится акцент на «мягкие» навыки: на широту взгляда, способность вести дискуссию, разнообразно презентировать результат, коммуницировать, работать в командах. И тогда возникает не только вопрос, чему мы учим, но и как и где мы учим, причем не только в школе и университете. Потому что на самом деле продуктом образовательной системы, культурной политики, скрытой или открытой формы организации налогов, способов осуществления службы в армии или вариантов содержания людей в тюрьме являются те или иные социокультурные характеристики нации [9 с. 5–8].

Заключение

Возрождение многогранности смыслов жизни интеллигенции, транслирующей и воспроизводящей эти самые искомые социальные и культурные характеристики российской нации, – безусловная задача стратегического развития нашей страны. Новую конкурентоспособность России определит способность разработать и внедрить не просто концепцию развития человеческого капитала, которая включала бы в себя не только вопросы образования и подготовки кадров, но и вопросы стимулирования спроса на кадры категории «Знание», а также концепцию создания среды, благоприятной для развития человека. Образовательная система должна быть перестроена так, чтобы она стимулировала профессиональный рост и получение новых знаний, а фокус образовательных программ

необходимо перенести с развития предметных знаний и запоминания информации на развитие личностных и метапредметных компетенций, стимулировать приток талантов в сферу образования.

Но близки ли мы к формированию нового Номо Humanisticus, усилению гуманитарной компоненты образования, пониманию того, что профессиональное развитие и обучение должно продолжаться всю жизнь, а не заканчиваться после получения диплома? Для части интеллигенции, делающей нелюбимую работу, для тех, кто жил/живет без смысла, гипотетическая угроза переноса бессмысленности в вечность, наказания души сизифовым трудом не имела и не имеет значения. Лучшие же ее представители, вслед за Д.С. Лихачевым, в поиске смысла жизни стремились не расставаться с потаенными, но по духу и сути либеральными, демократическими ценностями, которые время от времени громогласно сегодня объявляются вредоносными, провокационными, антипатритическими. Русская/советская/российская интеллигенция постоянно «сжималась» количественно и качественно, как «шагреневая кожа», несмотря на стремительное увеличение лиц с вузовскими дипломами, научными степенями и званиями. Хочется думать, что есть крупинцы смысла в жизни университетской профессуры, если не в полной мереобеспечивающей воспроизводство утраченного потенциала гуманитарной интеллигенции, то по крайней мере посильно участвующей в подготовке реально думающих гуманитариев, готовых к творчеству.

Будем надеяться, вторя А. Аузану, что: «Мы живая страна, рождающая по-прежнему умных и образованных людей, имеющая хороший шанс на будущее. <...> ...чтобы получились стратегии нашего движения к желаемому будущему, к такому положению страны и людей, за которое нам не было бы стыдно перед последующими поколениями» [9 с. 7].

Удивительно, что, несмотря на умножение социокультурных «симулякров», все еще остается и воспроизводится социально-гуманитарное пространство для сотворчества осмысленной жизни. Есть какой-то «ген» неистребимой потребности искать и находить смыслы жизни, в созвучии с поэтическими строками Б. Пастернака: «Во всем мне хочется дойти / До самой сути. / В работе, в поисках пути, / В сердечной смуте. / До сущности протекших дней, / До их причины, / До оснований, до корней, / До сердцевины Все время схватывая нить / Судеб, событий, / Жить, думать, чувствовать, любить, / Свершать открытия». Наверное поэтому среди отдельных особей интеллигентов/интеллектуалов, из рода-племени Номо Humanisticus, во все времена теплится и вновь возрождается надежда на то, что многогранный «стакан смысла жизни наполовину полон».

Литература

1. Тощенко Ж.Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиции социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11.
2. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция (Simulacres et simulation) / Пер. с фр. О.А. Печенкиной. Тула, 2013. 203 с.
4. Левада Ю.А. Сочинения: Избранное: социологические очерки: 2000–2005: [сост. Т.В. Левада]. М.: Изд. Карпов Е.В., 2011. 507 с.
5. Зиновьев А.А. Русская трагедия (гибель утопии). М., 2013.
6. Иванов Д.В. Социология: Учеб. / Под ред. Д.В. Иванова. М.: Высшее образование, 2005.
7. Иванов Д.В. Гламурный капитализм: логика «сверхновой» экономики // Вопросы экономики. 2011. № 7.
8. Обуховский К. Потребность смысла жизни. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1971.
9. Россия 2025: от кадров к талантам: Отчет исследования / The Boston Consulting Group. М.: BCG-Сбербанк, 2017. 72 с. [Электронный ресурс]. URL: [http: Sberbank-BCG-issledovanie](http://Sberbank-BCG-issledovanie) (дата обращения 13 мая 2019).

References

1. Toshchenko ZhT. The meaning of life: an analysis experience from the standpoint of the sociology of life. *Sociological Studies*. 2016;11. (In Russ.)
2. Il'in IA. The Path to Evidence. Moscow: Eksmo-Press; 1998. (In Russ.)
3. Baudrillard J. Simulacra and Simulation (Simulacres et simulation). Trans. by OA. Pechenkina. Tula, 2013. (In Russ.)
4. Levada YuA. Works: Selected: sociological essays, 2000–2005. Moscow: Izdatel' E.V. Karpov Publ.; 2011. 507 p.
5. Zinoviev AA. Russian tragedy (the death of utopia). Moscow, 2013.
6. Sociology. Ed. by DV. Ivanov. Moscow: Vysshee obrazovanie Publ.; 2005.
7. Ivanov DV. Glamorous capitalism: The logic of a “supernova” economy. *Voprosy ekonomiki*. 2011;7.
8. Obukhovskiy K. The need for the meaning of life. Psychology of man's inclinations. Moscow: Progress Publ.; 1971.
9. Russia 2025: from cadres to talents. Research Report. The Boston Consulting Group. Moscow: BCG-Sberbank, 2017. 72 p. [Internet]. URL: [http: Sberbank-BCG-issledovanie](http://Sberbank-BCG-issledovanie) (data obrashcheniya 13 May 2019).

Информация об авторе

Наиля Р. Маликова, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nrmalikova@mail.ru

Information about the author

Nailya R. Malikova, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; nrmalikova@mail.ru